

*Вон Уилмот Святому Иоанну и Леоноре Эрвин,
а также
Рэйч Ловат Диксон
в знак дружбы и в память надписи
на моем экземпляре «Софии»*

I. В АНГЛИИ

Аделина подумала, что никогда, никогда в жизни не увидела ничего настолько прекрасного, как опера «Богемская девушка». Романтика сюжета охватила ее, как лунный свет пробивается через витражи. А музыка! Слова и мелодии захватили ее, она чувствовала себя как во сне. Покидая театр «Друри-Лейн», она схватилась за руку Филиппа: казалось, она не чувствует ног, а толпа парит вокруг.

Она взглянула в его лицо, чтобы понять, что он чувствует. Она заметила свое отражение в огромном зеркале в позолоченной раме, порадовалась увиденному и теперь надеялась, что такое же выражение лица у Филиппа. Но тот выглядел точно так же, как при входе в театр: довольным тем, что пришел в оперу, довольным и собой, и ею, радостным оттого, что вновь вернулся в Лондон.

Аделина сжала его руку, и его лицо расплылось в улыбке. Ни у кого из зрителей не было такого прекрасного мужественного профиля, как у Филиппа! И конечно, не нашлось бы другого мужчины с такими расправленными плечами и такой безупречной осанкой! Он повернул к Аделине голову, посмотрел на нее, и в его ярко-голубых глазах засветилась гордость. Филипп быстро огляделся: замечают ли другие ее красоту. Несомненно, замечали. Два джентльмена рядом с ней заме-

чали Аделину даже больше, чем позволяли приличия. Они без стеснения на нее глазели.

Аделина об этом знала, на что указывали разгоревшийся румянец и дерзкий взгляд, которым она их одарила, по-прежнему улыбаясь Филиппу.

Они дошли до двери наружу; чтобы успешно провести через нее Аделину в пышном кринолине с оборками из тафты, потребовалось все умение Филиппа. «Ничего удивительного, что эти парни на нее пялились, — подумал Филипп. — Нечасто встречаются настолько притягательные лица, как у Аделины. Есть ли другое такое же?»

Яркая внешность Аделины заставляла людей оборачиваться. Густые вьющиеся локоны глубокого золотисто-каштанового оттенка на солнце отливали рыжим, мраморная кожа светилась розовым, живые карие глаза были обрамлены длинными черными ресницами. Но, и не будь всего этого, ее гордое и смелое лицо с орлиным носом, бровями дугой, подвижным смеющимся ртом получило бы его благосклонность.

Раздавался стук копыт по бульжной мостовой. Частные экипажи выстроились в роскошный ряд. Аделина с тоской смотрела на них: им с Филиппом нужно было ждать кеб. Они пробрались к краю тротуара, причем Филипп по-прежнему старался защитить кринолин Аделины.

Словно из канавы, перед ними возник уличный музыкант. Он был изможден, в лохмотьях, но мог играть. Он прижал плечом скрипку и яростно взмахнул рукой со смычком. Музыканта не замечал никто, кроме Аделины, но он отчаянно играл.

— Посмотри, Филипп! — воскликнула она. — Бедняга!

Филипп взглянул и, поморщившись, что теряет время, продолжил поиск кеба. Аделина застыла.

— Дай ему что-нибудь, — холодно потребовала она.

Филипп нашел экипаж и стал подталкивать к нему Аделину. Извозчик слез со своего места и распахнул

дверцу. Под напором толпы, ведомая рукой Филиппа, она оказалась внутри кеба. Но нищий заметил ее полный сострадания взгляд, и у дверцы возникла его изможденная фигура. Под его умоляющим взглядом Филипп вынул из кармана шиллинг.

— Благослови вас господь, сэръ! Благослови вас господь, миледи! — снова и снова благодарил несчастный. В свете газовых фонарей его лицо казалось мертвенно-бледным.

Копыта стучали по мокрой мостовой. Филипп и Аделина обернулись и победно смотрели друг на друга. Каждый думал, что одержал верх.

После долгих лет, проведенных в Индии, их опьяняли многолюдные улицы и яркие огни. Аделина действительно не знала Лондон: ее родиной было графство Мит¹, а городом, где она провела отрочество, Дублин. Несколько сезонов она протанцевала там на балах, но вопреки надеждам родителей, несмотря на всю свою грацию и красоту, так и не нашла подходящую партию. Ее поклонники, выходцы из хороших семей, все как один были привлекательны, но не имели средств, достаточных, чтобы входить в истеблишмент. На флирт с ними она потратила много времени.

Затем ее сестра Джудит вышла замуж за офицера, служившего в гарнизоне в Джалне, пригласила Аделину, и та с радостью отправилась в гости. В Ирландии ей было тесно; к тому же она поссорилась с отцом, еще более вспыльчивым и властным, чем она. Причиной их ссоры стало наследство, оставленное ей двоюродной бабушкой. Отец был тетушкиным любимчиком и уверенно полагал, что унаследует ее состояние. Оно не было велико, но в сложившихся обстоятельствах и эти деньги казались щедростью. Теперь он горько пожалел, что на-

¹Мит — графство на Востоке Ирландии.

звал дочь в честь этой тетушки. Это был просчет; это да еще льстивое обхождение Аделины.

В доме Джудит она встретила гусарского офицера Филиппа Уайтока. Он происходил из семьи давних обитателей Уорикшира. Действительно, Уайтоки жили в своем имении уже несколько столетий. Они считали других ровней, хотя их род был древнее, чем большинство остальных в графстве. Некогда они владели значительным состоянием, которое передавали по наследству от отца к сыну в целостности и сохранности. Детей в семье всегда было немного, но все — прекрасного телосложения. Процветание семьи длилось до тех пор, пока дедушка Филиппа не пристрастился к азартным играм, широко распространенным в его времена. Ради игры в карты он заложил фамильное поместье и в конце концов вынужден был его продать. Исключительно благодаря здравому смыслу отца и его скромной трезвой жизни сельского джентльмена Филипп сумел поступить на военную службу и имел достаточно средств, чтобы поддерживать офицерское положение.

Филипп и Аделина были очарованы друг другом. После нескольких встреч они страстно влюбились. И все же кроме пламени страсти в их любви был замечен настоящий металл. Несмотря на нередкие разногласия в уже супружеской жизни, они всегда знали, что предназначены друг для друга и никто посторонний не может занять место другого и даже приблизиться к этому месту. По сравнению с Аделиной другие женщины казались Филиппу простоватыми и даже ограниченными. Каждый ее жест имел для него значение. Его всегда волновала близость их общения и возбуждала мысль, что, несмотря на своеволие, ему в конечном итоге удавалось ее контролировать.

Аделину восхищала мужественная красота Филиппа, свежесть лица, которой не навредили годы, прове-

денные в Индии, пылкое выражение дерзких голубых глаз, мальчишеский изгиб губ. Но намного сильнее, чем внешности, она радовалась его власти над ней, его английской надежности, загадке его молчания, и она должна была протягивать к нему руку и своей кельтской мягкостью возвращать себе.

Свадьба в индийском гарнизоне не имела равных. Ей было двадцать два, ему на десять лет больше. Он хорошо ладил с подчиненными, но между ним и полковником часто возникала напряженность. Филипп был не из тех, кто с готовностью подчиняется. Он пребывал в непоколебимой уверенности, что всегда прав, и, таким образом, зачастую лишь усложнял дело. Когда Филипп выступал против других, Аделина всегда вставала на его сторону, когда же он спорил с ней, то видела, каким он может быть упорным и упрямым.

Джудит, двумя годами старше, посоветовала Аделине заказать в Дублине самое пышное приданое из возможных, потому что, сказала сестра, это может быть последним, что она получит от отца. Поэтому обе они провели счастливые дни, составляя для матери список покупок. Добрая женщина никогда и ни в чем не могла отказать детям и, в свою очередь, проводила счастливые недели, суетливо обегая дублинские магазины. В Джалне приданое стало настоящей сенсацией. Аделина плыла к алтарю в подвенечном наряде, словно серебряное облако.

Молодожены обосновались в гарнизоне и решили вести настолько блестящее существование, насколько это позволяло место. Без них не обходилось ни одно развлечение. Они были такими жизнерадостными, их вино было лучшим, а наряды и лошади — самыми красивыми.

Известие, что у Аделины будет ребенок, стало для них потрясением. Они не хотели детей. Им было достаточно друг друга, к тому же дети, рожденные в Индии,

часто бывали болезненными и их всегда требовалось посылать домой для обучения. Расставание с детьми было печальной стороной жизни англичан в Индии. Аделина ужасалась тому, через что ей предстояло пройти. То, что у ее матери было одиннадцать детей (четверо из которых умерло в младенчестве), для нее ничего не значило. Она словно чувствовала себя первой женщиной в мире, которая столкнулась с этим испытанием. И это стало тяжелым испытанием: медленные и сложные роды с последующими слабостью и депрессией. Ребенок не развивался и заполнял дом своим плачем. Какая перемена по сравнению со счастливой и беззаботной до того жизнью!

Отдых в горах не принес Аделине никакой пользы. Казалось, она становится инвалидом. Тревоги сказались на характере Филиппа. Он страшно повздорил с полковником и решил, что судьба против него. К тому же он ощутил стремление к более открытой, не такой ограниченной жизни и обратился в мыслях к Новому Свету. Его стал тяготить консерватизм жизни в армии. Если он останется в Индии, то придется устраивать перевод в другой полк, поскольку ссора с полковником оказалась не из тех, что предполагают примирение. Дядя Филиппа, служивший в Квебеке, не уставал нахваливать в письмах племяннику тамошнюю жизнь. Филипп задумался, подходит ли канадский климат Аделине. Он посоветовался с доктором, который заявил, что в целом свете она не найдет более подходящего для нее климата и более бодрящего воздуха, чем в Канаде.

Когда Филипп заговорил об этом с Аделиной, то ожидал, что она воспротивится переменам. Но, к его удивлению, она обрадовалась будущему приключению и заявила, что не хочет ничего сильнее, чем ехать в Канаду. Она устала от всего, что связано с Индией, устала от гарнизонных сплетен, от жары и пыли, от толп туземцев, а

больше всего устала от нехватки собственной нетерпеливой энергии.

Даже с согласия Аделины Филипп медлил принять окончательное решение. Но пока он колебался, квебекский дядюшка умер, оставив ему немалое наследство.

Филипп продал свой офицерский чин, лошадей и пони для поло, а Аделина — обстановку бунгало, оставив только некоторые вещи, дорогие ей как память об Индии: красивую расписную кожаную мебель из спальни, комод и сундук, обитые медью, несколько вышивок шелком, безделушки из нефрита и слоновой кости. Они отбыли морем из Бомбея с дочкой Августой и ее местной нянькой, заботившейся о ребенке с рождения. Нянька ужасалась мысли о необходимости плыть по океану на край света, но она так любила маленькую Августу, что была готова отправиться с ней куда угодно. Самой важной особой в их компании, как он сам считал, был попугай Аделины — умная и здоровая молодая птица, говорун в великолепном оперении. Вопреки мнению, что лучшие говорящие попугаи — жако, попугай имел прекрасное произношение и богатый, хотя частично непристойный словарный запас. Любил он только Аделину и только ей позволял себя гладить. Хозяйка назвала его Бонапартом, поскольку тайно восхищалась «маленьким капралом». Аделина восхищалась французами и лишь спустя годы замужества под влиянием Филиппа стала по-настоящему верной английской короне. Филипп же не испытывал к Наполеону ничего, кроме презрения и неприязни. Его отца убили в битве при Ватерлоо, а сам он родился несколькими месяцами позже. Французов он не любил и не уважал, а попугая добродушно-насмешливо называл Бони.

Путешествие из Индии в Англию казалось бесконечным, но в целом не было неприятным. Они направлялись к новой жизни. На борту собралось много близких

по духу людей, и семья Уайток среди них оказалась нарасхват. Погода стояла ясная, и за время путешествия здоровье Аделины улучшилось.

За неделю до Рождества они высадились в Ливерпуле. С ребенком, нянькой и горой багажа долго тряслись в дилижансе до небольшого города Пенчестера, где их с нетерпением ждала единственная сестра Филиппа. Ребенка назвали в ее честь. Сестра была замужем за деканом собора юго-западного графства, человеком значительно старше ее, книжным червем, ненавистником перемен и смуты. Они были прекрасной парой: Августа посвятила себя мужу, а он позволял ей все что угодно. Она отличалась веселым нравом; единственной печалью оставалась бездетность. Сестра Филиппа с нетерпением ждала приезда маленькой тезки, но ее ожидало разочарование. Малышка Августа была настолько застенчива, что не сходила с нянькиных рук, а та эгоистично поддерживала ее в этом. Нянька хотела, чтобы ее подопечная не любила никого, кроме нее, и цеплялась за девочку со страстной собственнической любовью.

Для сестры Филиппа это стало горьким разочарованием. Однако она надеялась со временем преодолеть детскую застенчивость. Августа мечтала оставить ребенка у себя, когда родители уедут в Квебек. Она знала, что сумеет убедить в этом декана. Ей всегда хотелось иметь девочку и ее любить. Черные волосы и глаза, желтоватая кожа ребенка казались ей романтическими и привлекательными.

— Как ты думаешь, откуда это у нее? — спросила она однажды своего мужа. — У Филиппа румянец, у Аделины каштановые кудри и сливочная кожа...

— Спроси лучше у раджи, о котором Аделина все время восторженно рассказывает, — заметил декан. — Наверное, он сможет рассказать.

Жена посмотрела на него с ужасом. За всю их супружескую жизнь он никогда не делал столь непристойных замечаний. И это о жене ее брата!

— И все же, — заметил декан в свою защиту. — Посмотри на великолепное рубиновое кольцо, которое он ей подарил.

— Фредерик! — еще больше испугавшись, воскликнула Августа. — Ты же не всерьез, правда?

— Конечно, нет, — успокаивающе ответил он. — Разве ты не понимаешь шуток? — Но добавил: — Тогда почему раджа подарил ей это кольцо? Я же вижу, что Филиппу это не нравится.

— Раджа подарил ей кольцо, потому что она спасла жизнь его сыну. Они вместе катались на лошадях, и конь мальчика понес. Это был горячий арабский скакун, и он стал необуздан.

Фредерик изобразил скорее усмешку, чем улыбку.

— И Аделина, прекрасная дерзкая ирландка, поймала арабского скакуна и спасла наследника раджи, — заметил он.

— Да, — Августа холодно взглянула на мужа.

— Филипп был там? Он помогал спасению?

— Думаю, нет. С чего бы?

— Ну что ж, возможно, раджа не наградил бы порядочного британского офицера так щедро.

— Фредерик, ты ужасен! — вскричала Августа и оставила его наедине с низкими мыслями.

Аделина решила, что за время пребывания в Англии нужно написать их портреты. Позже им уже никогда не выпадет такая возможность. И конечно, красивее, чем были, они уже не станут. Прежде всего у нее должен быть настоящий портрет Филиппа во всей гусарской красе, а не какой-нибудь дагеротип. Семейство Уайток в прошлом поставляло прекрасных офицеров и в Гусар-